

УДК 321.02

Генезис современной религиозности как политический процесс

Глушков Максим Вячеславович

Соискатель,

Дальневосточный федеральный университет,

690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;

e-mail: maksim_glushkov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается совокупность политических процессов, ставших главной силой формирования религиозных движений с признаками новых пространственных общностей. Данные общности претендуют на доминирование и на право считаться единственно легитимными формами политической организации даже в условиях демократической конституционной государственности. Политические институты, выражающие интересы религиозных движений, возникают не спонтанно, а вызревают благодаря политической природе религии. Глобальное переформатирование политического пространства, сопряженное с усилением религиозности и кризисом секуляризации, порождает и качественно новые политические отношения, являющиеся важным предметом теоретического анализа политологии. Благодаря религии политические системы, институты и отношения получают новые качества, поднимая фундаментальные вопросы об истинном состоянии мировой политики и перспективах ее развития. Религиозные организации все чаще претендуют на роль сверхполитической формы общественного сознания, способной открыть новые пути позитивного реформирования государства и гражданского общества. Резкая политизация современной религиозности становится предметом сближения современной науки о религии с политологией. Она побуждает к тесному соединению синхронно развивающихся исследовательских полей данных наук. Все это актуализирует развитие политического религиоведения в качестве субдисциплины политической науки.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушков М.В. Генезис современной религиозности как политический процесс // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 4А. С. 61-73.

Ключевые слова

Политические процессы, политические институты, государственно-конфессиональные отношения, кризис современной политической культуры.

Введение

Авторитетный американский политолог С. Хантингтон в 1993 г. заявил, что религия с начала XXI века будет являться главным фактором мировой политики [Хантингтон, 2003, 151]. Этот прогноз сегодня широко применяется к охватившему весь мир процессу радикальной исламизации, который следует рассматривать в широком историко-политическом, а не в узком религиоведческом контексте.

В настоящее время значительная часть политиков и ученых отказываются классифицировать религию в качестве политического субъекта, а ее распространение и влияние на общество – как политические процессы. Очевидно, политические и научные элиты западного мира и сейчас пребывают в уверенности, что устои плюралистической государственности непоколебимы. Во всяком случае, любая риторика П. Бьюкенена, Т. Саррачина и иных консервативных публицистов [Бьюкенен, 2016, 16] относительно угроз, которые несет с собой оживление активности пространственных общностей, претендующих на политическое влияние на основе конкретной религиозной идентичности – мусульманской, пока еще официально объявляется маргинальной.

Исламская экспансия на европейском пространстве в XXI в. приняла форму колонизации. Она постепенно, но неуклонно ломает устоявшиеся разграничения, определяющие закономерности политической жизни, характерные для Европейского союза. Из этого следует, что даже мировоззренчески плюралистические общества не надежно защищены от идеологических интервенций. Они уязвимы к вызовам и угрозам, исходящим со стороны нормативно отделенных от государства религиозных сообществ.

Политические процессы как главная сила формирования религиозных движений

Религия представляет собой идеологию, равным образом относящуюся как к духовной, так и к политической сферам жизни общества. Ее догматичность и системный характер выражаются в устоявшихся нормативно-ценностных установках и идеологических принципах, имеющих политическую природу [Мчедлов, 2007, 223].

А. Дугин совершенно справедливо указывает на то, что лишь в XX в. политика

переместилась в область идеологий, тогда как прежде она господствовала там, где политическое развитие общества определяли религия, династии, сословия, государства-нации [Дугин, 2017, 9]. Вне всякой зависимости от дискуссионного вопроса о природе религии нет серьезных оснований для отрицания ее политической сущности. Из всех религий именно ислам смог сохранить свой потенциал продуцирования не только религиозных идей и представлений, но и политических убеждений. Это позволило основным направлениям ислама до наших дней оставаться идеологической и политической основой создания социально-экономического и государственного строя [Керимов, 2010, 330].

Как известно, ислам возник в противовес христианской экспансии на Восток еще в период рассвета Византийской империи в VII в. В отношении этой религии ее последователи использовали термин «дин», в переводе на русский означающий «власть», подразумевавший единство духовного и материального. Данный термин включает в себя такие понятия, как «государство», «политика», «вера», «исполнение обрядов» [Ислам: Энциклопедический словарь, 1991, 70].

Распространение и влияние ислама на колонизируемые социумы – это, прежде всего, политические процессы. Эти процессы направлены на установление религиозного контроля над всяким принимающим государством, ибо, в соответствии с законами Шариата, неподконтрольная исламу власть есть зло [Керимов, 2010, 332]. В большинстве стран Западной и Северной Европы коренные жители пытаются приспособиться к сосуществованию с мигрантами из стран исламской культуры. Судя по публикациям в западной прессе, европейцы оказались не готовы к возвращению в их жизнь религии в самой деструктивной и воинственной форме.

Важная особенность исламского вызова мировому демократическому сообществу состоит в том, что последователи ислама все в большей степени воспринимают свою религиозную принадлежность в качестве основного источника собственной идентичности. Исламская дискурсивная практика исторически всегда была направлена на тотальную фиксацию, скорее даже «герметизацию», идентичности в чрезвычайно жестких рамках сообществ единоверцев, приоткрытую только для новообращенных.

Ислам – это религия политического господства, устанавливающая отношения между своими последователями так, чтобы их идентичности модифицировались в результате артикуляционной практики в монолитные сообщества правоверных, сознательно отказывающихся от альтернативных идеологий и гражданских ценностей.

В социумах, где ислам не является единственным источником государственной власти, наблюдается общественная активность мусульманских сообществ, связанная с борьбой за

контроль над властью. Эта активность является одной из форм политического участия, направленного на усиление политического влияния ислама посредством дискурсивной практической работы [Нортон, 2016, 254-259]. Понимание истинного значения этой работы пока еще гносеологически ограничено, поскольку она, в силу различных причин, в современных научных исследованиях не рассматривается детерминированной, а скорее, в виде совокупности совершенно случайных и никак не связанных между собой достижений в рамках индустриальных модернизаций. То есть усиление роли ислама в западном обществе часто преподносится как естественное развитие собственной традиции с аккумулярованием новшеств, заимствованных из иных социокультурных пространств.

Радикальные исламские политические организации возникают повсеместно. Их названия различны, но все они создаются в рамках исламской политической и социокультурной традиции. Эти организации бросают вызов гражданским ценностям, образующим метафизическое ядро главенствующей нормативно-ценностной системы любого государства, не принадлежащего к исламскому миру. Данный процесс вполне может быть следствием политической стохастичности, во многом зависимой от ситуативного фактора, всегда присутствующего в политической реальности и предопределяющего как сходные, так и отличные друг от друга типы политического поведения граждан и их объединений. Именно по этой причине представляется перспективным рассматривать усиление роли ислама не как фактор политического развития, а как проявление политической природы данной мировой монотеистической религии.

Ислам соответствует основным критериям политического субъекта – свободного и самостоятельного участника политических процессов. Эта религия оказывает внутреннее воздействие на политическую сферу через созданные ее последователями политические институты – неправительственные организации, включая экстремистские. Она формирует новые типы политических отношений, предусматривающих превалирование религиозной идентичности над светской. Соответственно, распространение такой религии следует классифицировать как политический процесс.

Всемирное распространение ислама на рубеже II и III тысячелетий во многом вызвано тем обстоятельством, что данная религия до настоящего времени доминировала на периферии цивилизованного мира. Именно по этой причине исламский мир благополучно избежал разрушительного воздействия эпохи Просвещения и последовавшей затем глобальной секуляризации.

Прогрессивные светские рационалистические идеологии западной традиции успешно использовались для минимизирования всякого влияния на общество со стороны практически

всех направлений христианства. Ислам избежал этой участи. Он оказался востребованным в тот момент, когда всемирный кризис постлиберализма актуализировал спрос самых широких слоев общественности на радикальный консерватизм, выраженный в способности, отвечая на вызовы времени, создавать новые формы для сохранения и преумножения традиционных ценностей, пусть даже на фундаменте запрещенного в России Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) [Вайс, 2016, 18].

В сфере политической коммуникации истинная роль ислама состоит не во влиянии на различные формы политического участия своих последователей, а в последовательном формировании качественно новых форм политического участия, с тем чтобы помочь идентичности всякого мусульманина через власть добиться превосходства над идентичностями коренного населения колонизируемых регионов планеты.

Важнейшим направлением дискурсивной практической работы по распространению ислама является миссионерская деятельность («да'ва»). Ее теологическим основанием считается аят 125 из 16-й суры «Ан-Нахль» («Пчелы»). В этом концептуальном аяте мусульмане побуждаются призывать всех на путь истинной веры, полагая Господа в качестве единственного первоисточника политической и религиозной власти [Абд ар-Рахман бин Насир ас- Са'ди, 2014, 244-245]. Миссионерская деятельность в исламе выступает в качестве бесспорного политического процесса, состоящего из субъекта, то есть носителя политического действия, и объекта – политической цели, которая должна быть достигнута по итогам политического действия.

Перспективы дальнейшего усиления политического влияния ислама на страны христианской цивилизации пока непредсказуемы. Интеграция миллионов мигрантов из стран исламского мира, даже в наиболее либеральное европейское пространство, уже на первых порах вызвала мощный нормативный диссонанс. Она до предела обострила конфликт ценностного характера между мигрантами и гражданами принимающих обществ. В итоге был констатирован конфликт между политическими установками, ценностями и нормами коренных европейцев и новоприбывших, усиленный благодаря маршрутизирующей роли неправительственных организаций. Обе стороны конфликта осуществляют активную манифестацию отказа признать сложившуюся общественно-политическую ситуацию нормальной.

Предыдущий кризис идеологии либерализма пришелся на последнюю четверть XX века и был связан с модернизационными процессами, охватившими политическое и социокультурное пространство западного мира, особенно в нормативно-ценностном измерении. Этот кризис перехода к «концу истории» (по Ф. Фукуяме) стал серьезным «отклонением от нормы», тем не менее не достигшим критической массы, которая угрожала бы всей системе в целом. И, подобно

нынешнему кризису постлиберализма, массовая потребность разочарованных граждан в консерватизме вызвала конфликт нормативно-ценностных систем, имевший откровенный диссонансный характер. Данный конфликт был успешно разрешен благодаря кратковременному торжеству на Западе протестантского фундаментализма.

Протестантский фундаментализм с конца 70-ых гг. XX века выступал в качестве не только идеологии, но и политики подчинения государства ценностям христианского протестантизма.

Ценностная основа в консервативной политике – это непоколебимый фундамент для любого политического движения, особенно для того, чья идеология базируется на освященных религией нормативно-ценностных установках, в значительно меньшей степени подверженных волатильности и подменам альтернативными проекциями, чем светские нормы и ценности. Именно поэтому во второй половине 70-ых гг. XX века многие западные консервативные политики (новые правые) пошли на союз, прежде всего, с радикальными протестантскими иерархами, вызвав к жизни широкомасштабные политические движения, объединившие в своих рядах под флагом протестантского фундаментализма миллионы человек.

Наиболее крупным и авторитетным течением протестантских фундаменталистов стало американское движение «Моральное большинство», основанное в 1979 г. баптистским пастором и телепроповедником Джерри Фалуэллом (1933-2007 гг.). В разное время его поддерживали сотни тысяч человек. Рупором движения явилась разветвленная информационная сеть, включавшая в себя только на территории США 275 радиостанций и 375 телестанций [Мэрфи, 1984, 137].

Протестантский фундаментализм последней четверти XX века являлся субъектом политики западных стран, обогатившим научный лексикон такими понятиями, как «политическая теология» и «политические теологи» [Nisbet, 1986, 112]. Он сыграл значительную роль в мобилизации западного демократического сообщества на последнем этапе «холодной войны» и окончательно сошел с политической арены фактически одновременно с развалом СССР. Парадоксально, но кризис протестантского фундаментализма для западной цивилизации эпохи постлиберализма оказался не менее важным, чем конец эпохи социализма.

Модернизационный переход в западных демократических обществах, особенно, если он искусственно стимулируется центральной властью и ориентированными на нее политическими и общественными институтами, очень часто сопровождается мультиплексным эффектом – социокультурное пространство утрачивает свое единство. Отдельные элементы этого пространства выбрасываются на периферию политической и общественной жизни для успешного развития других элементов, что и произошло с протестантским фундаментализмом на Западе, не вписавшимся в модернизированную господствующую нормативно-ценностную

систему.

В настоящий период протестантизм в западных странах в силу некоторых субъективных и объективных причин в основном лишен доступа к политической власти. Сделано это под множеством действительных и надуманных предлогов. Так, например, реанимировано обвинение Жозефа де Местра, уличавшего протестантов в «частном толковании» Писания, которое вымостило путь векам цареубийств и бунтов в низших сословиях общества [Робин, 2013, 140]. В действительности протестантские фундаменталисты разделили судьбу «новых правых», которые так и не смогли найти компромиссное решение, которое позволило бы им успешно защищать традиционные нормативно-ценностные установки и идеалы, одновременно борясь за принципы свободной конкуренции и «свободного рынка» [Макаренко, 2016, 174].

Протестантский фундаментализм оказался вытеснен на задворки политической деятельности, как и католицизм, войдя в число религий, чья деятельность хотя и дает положительный внешний эффект, но через религиозное воспитание лишает комфортной жизни представителей нетрадиционной ориентации, идущих на аборт женщин и других граждан, осуждаемых церковью, но не плюралистическим государством [Мюллер, 2015, 322-323].

Религию на нормативном уровне можно отделить от государства, но от этого религиозность не утратит свои природные свойства сквозного всепроникновения. Как показывает практика политической жизни европейских и латиноамериканских государств, протестантизм, равно как и католицизм, продолжают чутко реагировать на общественные запросы в консерватизме.

В Польше, Венгрии и в ряде других стран мира политические элиты апеллируют к духовным традициям, активно используют в политической практике увековеченные в национальной памяти ценности, в том числе и религиозные. Именно в этих странах под флагом протестантизма и католицизма продолжается формирование все новых институтов гражданского общества, а религиозные нормы материализуются в идеологии многочисленных участников неправительственных организаций и движений в защиту традиционных духовно-нравственных ценностей от инородного влияния (особенно со стороны мигрантов из стран исламского мира) в социальном и политическом поведении.

Во Франции усилия Католической церкви, направленные на мобилизацию масс в ходе акций протеста «Манифестация для всех» (2013 г.) против легализации однополых браков, приобрели качественные характеристики политической деятельности и политического участия, получив соответствующее признание со стороны откровенно правых политических сил – Национального фронта и «Союза за народное движение». Аналогичная ситуация отмечалась ранее в Испании, где легализация однополых браков (2005 г.) привела к прямому политическому противостоянию правящей Социалистической партии, с одной стороны, и союза правых сил с Католической

церковью – с другой.

Что касается протестантского фундаментализма, то в последнее время его оплотом стали бывшие советские республики – Украина, Литва, Латвия и Эстония. После Майдана 2014 г. украинские протестанты прилагают огромные усилия для того, чтобы стать доминирующей политической силой в охваченной гражданской войной Украине. Они предлагают свои программы профилактики состояния нарушенного равновесия между отдельными частями некогда единого социального организма украинской нации, между украинской государственностью и внешней средой, генерируя вытекающее отсюда состояние поиска путей к радикальному восстановлению утраченного равновесия на почве воинствующей русофобии и антиправославия.

11 июля 2015 года в Киеве состоялся открытый форум протестантских лидеров на тему «Церковь и ее политическая позиция в условиях кризиса». Он был организован Украинской евангельской теологической семинарией и Ассоциацией «Духовное Возрождение» (АДВ). Первая из организаций представляла христиан веры евангельской Украины, а вторая – евангельских христиан-баптистов. На форуме было конституировано нечто большее, чем необходимость совершенствования церковной работы по созданию нового украинского евангельского богословия. Идеологемы форума трансцендируют завоевания Майдана как конкретного событийного порядка, освященного участниками предыдущего форума «Майдан и Церковь: миссия и гражданская ответственность христианина» (Киев, 17 января 2014 г.). Они провозглашают неправославные церкви в качестве политической силы, способной сформировать новую украинскую идентичность и соответствующее ей общество.

Среди основных форм распространения католицизма и протестантства бесспорными политическими характеристиками обладает миссионерство – система межкультурного идеологического воздействия христианских церквей на инокультурные общности с целью постепенного разрушения их этнокультурного ядра, подрыва противостоящих им идентичностей, гомогенизации осваиваемого миссионерами пространства. Такой смысл вкладывали в понятие «миссионерство» иезуиты еще в XVI веке [Бош, 1997, 9].

Миссионерство есть идеологическая экспансия, которая инфицирует открытые общества, стремящиеся через открытость избежать стагнации. Миссионерская деятельность подрывает устои таких обществ, уходящих от опасности институциональной дифференциации и сталкивающихся с не меньшей угрозой разрушения их социокультурного ядра как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Функциональная доминанта миссионерства базируется на свойстве католических и протестантских организаций оказывать идеологическое влияние на духовно чуждые им социумы, осуществлять подрывную работу и

публично репрезентировать ее результаты.

Политический консерватизм в России также успешно развивается в религиозном измерении, традиционно задающим здоровую энергетику конструктивного социального взаимодействия и выстраивания широких общественных коалиций для достижения главной цели консерваторов – обеспечение устойчивого порядка. Западные эксперты воспринимают эту ситуацию неоднозначно. Они выражают сомнение в том, что в XXI веке в российском обществе можно устанавливать мораль, основанную на религии. [Макаренко, 2016, 262].

В России духовно-нравственные ценности и нормативные установки традиционных для страны религий (православие, ислам, буддизм и иудаизм) так никогда полностью и не утрачивали статус атрибутов национальной культуры. Благодаря этому религиозность привносит в русский консерватизм смесь рационального и трансцендентального, сознательного и бессознательного [Przeworsky, 2015].

Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) напрямую не воздействует на политическую сферу, ограничиваясь статусом духовной основы русской цивилизации. При поддержке государства она обеспечивает функционирование присущего российской цивилизации типа духовности и способствует поступательному развитию российской национальной идентичности как референта практик безопасности от внешних идеологических вызовов и угроз.

Православие играет все более возрастающую роль в решении задачи государственной важности – предотвращении разрушения русского православного ядра многонационального русского народа посредством исправления этнодемографической ситуации в регионах, относящихся к исконно русским территориям [Гаврилов, Шевченко, 2010, 292].

К сожалению, православие нередко используется в качестве идеологического базиса русского национализма как принципа организации политического процесса. Это обстоятельство вызывает вполне обоснованную тревогу независимого экспертного сообщества, полагающего, что подъем русского национализма при одновременном альянсе Русской Православной Церкви и государства несет в себе реальную угрозу национально-территориальным основаниям федерации в России [Захаров, 2012, 10].

В контексте сказанного уместно упомянуть о негативной реакции целого ряда православных иерархов, включая митрополита Владивостокского и Приморского Вениамина (Пушкаря), против публичных показов фильма А. Учителя «Матильда» (2017 г.).

Принципиальная позиция видных православных священнослужителей против демонстрации в России одного конкретного произведения киноискусства была поддержана не только некоторыми депутатами Государственной Думы Российской Федерации, но и

различного рода экстремистами, воспринявшими заявления митрополита Илариона (Алфеева) и Тихона (Шевкунова) как благословение своим противоправным действиям.

Заключение

Охвативший в настоящий период времени нашу планету процесс радикальной религиозности следует отнести к той категории угроз, которые преумножают свой разрушительный потенциал там, где ошибочно понимают их истинную природу.

Теория политической природы религиозности – это кумулятивное теоретическое построение, основанное на вполне обоснованном заключении, что упомянутая политическая природа будет проявляться тем более чаще, чем больше политических и социокультурных процессов будет этому способствовать. Также нельзя забывать о том, что при продолжительном развитии данных процессов резко возрастает роль случайных факторов. Это обстоятельство вносит в генезис политической природы религиозности компонент непредсказуемости, противоречащей логике линейно-позитивистского подхода.

Религиозность является качеством индивида и группы, появляющееся в религиозной вере на уровне сознания, подсознания, поведения и отношений в различных сферах жизни, включая политику. Из этого следует, что данное качество никогда не встроено полностью в какой-то отдельный порядок интеракции.

В нынешних условиях, когда религия все чаще официально требует признания себя со стороны светского государства в качестве самостоятельного субъекта реальной политики, прежние исследовательские рамки религиоведения оказываются неэффективными, что обуславливает настоятельную необходимость модификации исследовательской программы политологии с целью выработки методологического арсенала теории субдисциплины политической науки – политического религиоведения.

Библиография

1. Абд ар-Рахман бин Насир ас- Са’ди. Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостивого». Т. 2. М.: Умма, 2014. 782 с.
2. Бош Д. Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб.: Библия для всех, 1997. 637 с.
3. Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: Изд-во АСТ, 2016. 640 с.
4. Вайс М. Исламское государство: Армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
5. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010. 312 с.

6. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Пальмира, 2017. 351 с.
7. Захаров А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 144 с.
8. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
9. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: ДИЛЯ, 2010. 512 с.
10. Макаренко Б.И. (ред.) Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия. М.: Альпина Паблишер, 2016. 332 с.
11. Мчедлов М.П. (ред.) Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.
12. Мэрфи М. «Брат Джерри» и иже с ним // Наследники Джозефа Маккарти. М.: Прогресс, 1984. С. 137-144.
13. Мюллер Д. Разум, религия, демократия. М.: Мысль, 2015. 560 с.
14. Нортон Э. К мусульманскому вопросу. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 272 с.
15. Робин, К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 312 с.
16. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Изд-во АСТ, 2016. 560 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003.
18. Nisbet R. Conservatism: Dream and Reality. Milton Keynes: Open University Press, 1986. 118 p.
19. Przeworsky A. (ed.) Democracy in a Russian Mirror. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.
20. Sarrazin T. Der neue Tugend-Terror. München: Deutsche-Verlagsanstalt, 2014. 400 p.

Genesis of modern religiosity as a political process

Maksim V. Glushkov

Applicant,

Far Eastern Federal University,

690091, 8 Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;

e-mail: maksim_glushkov@mail.ru

Article

The article discusses a set of political processes, which became the driving force of religious movements with the features of a new spatial community. These communities claim on dominance and the right to be the only legitimate form of political organization even in a democratic constitutional state. Political institutions that express interests of religious movements do not emerge spontaneously but are born because of the political nature of religion. Global reformatting of political space, coupled with the strengthening of religion and the crisis of secularization, gives rise to qualitatively new political relations, which are an important subject of theoretical analysis of the political science. Because of religion, political systems, institutes and relations receive new qualities, raising fundamental questions regarding true state of global political issues and its future development. Religious organizations claim on the role of a superpolitical form of public conscience, which is able to find new ways of positive reforming the state and civil society. Politicization of religiosity becomes the subject of convergence of modern religion studies and political science. The author notices that it encourages a close connection between simultaneously developing research fields of these sciences. All of this actualizes the development of political religion as a subdiscipline of political science.

For citation

Glushkov M.V. (2017) *Genezis sovremennoi religioznosti kak politicheskii protsess* [Genesis of modern religiosity as a political process]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (4A), pp. 61-73.

Keywords

Political processes, political institutions, political relations, state and confession relationships, crisis of modern political culture.

References

1. Abd ar-Rakhman bin Nasir as- Sa'di (2014). *Tolkovanie Svyashchennogo Korana "Oblegchenie ot Velikodushnogo i Milostivogo"* [The interpretation of the Holy Quran "Relief from Generous and Merciful"], vol. 2. Moscow: Umma Publ.
2. Bosh D. (1997) *Preobrazovaniya missionerstva. Sdvigi paradigmy v bogoslovii missionerskoi deyatel'nosti* [Conversion of missions. Paradigm shifts in the Theology of Mission]. Saint Petersburg: Bibliya dlya vsekh Publ.
3. B'yukenen P. (2016) *Samoubiistvo sverkhderzhavy* [Suicide of a superpower]. Moscow: Izd-vo AST Publ.

4. Dugin A.G. (2017) *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and the political ideas of the XXI century]. Saint Petersburg: Pal'mira Publ.
5. Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. (2010) *Islam i pravoslavno-musul'manskie ot-nosheniya v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii* [Islam and Orthodox-Muslim relations in Russia in the mirror of history and sociology]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
6. *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: encyclopedic dictionary] (1991). Moscow: Nauka Publ.
7. Kerimov G.M. (2010) *Shariat. Zakon zhizni musul'man. Otveti Shariata na problemy sovremennosti* [Sheriyat. The law of Muslim life. Answers of Sharia on modern problems]. Saint Petersburg: DILY Publ.
8. Khantington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilization]. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ.
9. Makarenko B.I. (red.) (2016) *Konservatizm i razvitie: Osnovy obshchestvennogo soglasiya* [Conservatism and development: the foundations of social harmony]. Moscow: Al'pina Publisher Publ.
10. Mchedlov M.P. (ed.) (2007) *Vera. Etnos. Natsiya. Religiozniy komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnos. Nation. The religious component of ethnic consciousness]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
11. Merfi M. (1984) *"Brat Dzherri" i izhe s nim ["Brother Jerry" and God with him]. Nasledniki Dzhozefa Makkarti* [Successors of Joseph McCarthy]. Moscow: Progress Publ.
12. Myuller D. (2015) *Razum, religiya, demokratiya* [Reason, religion, democracy]. Moscow: Mysl' Publ.
13. Nisbet R. (1986) *Conservatism: Dream and Reality*. Milton Keynes: Open Uni-versity Press.
14. Norton E. (2016) *K musul'manskomu voprosu* [On the muslim question]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ.
15. Przeworsky A. (ed.) (2015) *Democracy in a Russian Mirror*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Robin, K. (2013) *Reaktsionnyi dukh. Konservatizm ot Edmunda Berka do Sary Peilin* [The reactionary mind: Conservatism from Edmund Burke to Saran Palin]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.
17. Sarratsin T. (2016) *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany: self-destruct]. Moscow: Izd-vo AST Publ.
18. Sarrazin T. (2014) *Der neue Tugend-Terror*. München: Deutsche-Verlagsanstalt.
19. Vais M. (2016) *Islamskoe gosudarstvo: Armiya terror* [Islam state: Army of terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.
20. Zakharov A. (2012) *"Spyashchii institut". Federalizm v sovremennoi Rossii i mire* ["Sleep Institute". Federalism in modern Russia and the world]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.